

Носительница власти

Утром 25 ноября 1741 года был опубликован манифест, в котором провозглашалось, что Елизавета Петровна воцарилась по просьбе «всех наших как духовного, так и светского чинов верных подданных, а особливо лейб-гвардии наших полков», поскольку во время регентств Бирона и Анны Леопольдовны происходили «беспокойства и неурядки». Елизавета вступила на престол «по законному праву, по близости крови к самодержавным... родителям». Двадцать восьмого ноября был издан второй манифест, в котором права дочери Петра I на российскую корону подкреплялись ссылкой на «Тестамент» Екатерины I. Иван Антонович объявлялся незаконным императором, не имевшим «никакой уже ко всероссийскому престолу принадлежащей претензии, линии и права» Монеты с его изображением были изъяты из обращения, а множество листов с присягой на верность ему публично сожжены на площадях «при барабанном бое».

Императрица Елизавета Петровна начала свое правление в возрасте неполных тридцати двух лет, следовательно, была уже женщиной со сформировавшимся характером, взглядами и привычками. Встречающееся в литературе мнение о ее совершенной неподготовленности к государственному управлению не соответствует действительности. Екатерина I привлекала свою дочь к делам, что не могло пройти бесследно для Елизаветы. Кроме того, цесаревна имела собственную вотчинную канцелярию и весьма разумно вела хозяйство в своих великокняжеских имениях. Все это давало возможность будущей императрице приобрести определенный опыт для предстоящей государственной деятельности.

Елизавета Петровна обладала многими данными для успешного правления. По словам Б.Х. Миниха, она «была одарена от природы самыми высокими качествами, как внешними, так и душевными... У нее был живой, проницательный, веселый и вкрадчивый ум и большие способности». В апреле 1743 года английский дипломат К. Вейч отмечал, что «ни одна принцесса в Европе не входила на троны, обещая быть более великим человеком, и провидение ее достаточно одарило всеми качествами и всеми талантами, нужными для того, чтобы быть любимой и уважаемой своими подданными и другими нациями». Некоторые современники утверждали даже, что «она была образцовая монархиня, в которой соединены были все свойства великой государыни и правительницы, хвалы достойной».

Однако имеется немало свидетельств о том, что прекрасные качества Елизаветы Петровны не находили себе нужного применения. Тот же Миних заявлял, что «императрица не управляла ничем, и формою государственного управления при ней был произвол ее фаворитов». Вейч перечеркивал свой отзыв о Елизавете заключительной фразой: «но ее любовь к удовольствиям портит все». Другой иностранный дипломат утверждал, что «умственная леность... препятствует ей исполнять многие из обязанностей, неразлучных с ее

высоким саном. Из великого искусства управлять народом она усвоила себе только два качества: умение держать себя с достоинством и скрытность».

Многие современники сходились во мнении о душевных качествах Елизаветы Петровны. По словам А.Т. Болотова «она была государыня кроткая, милостивая и человеколюбивая и всех подданных своих как мать любила». И. Позье писал, что «Елисавета Петровна была от природы добра и необыкновенно приветлива в обращении со всеми, кто имел счастье приблизиться к ней». Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская (мать Екатерины II) утверждала, что «у императрицы Елисаветы сердце доброе, великодушное, человеколюбивое. Доброта и скромное веселонравие составляют сущность ее нрава».

Но более проницательные люди глубже поняли особенности характера Елизаветы. Леди Рондо писала в 1735 году: «Приветливость и кротость ее манер невольно внушают любовь и уважение. На людях она непринужденно весела и несколько легкомысленна, поэтому кажется, что она вся такова. В частной беседе я слышала от нее столь разумные и основательные суждения, что убеждена: иное ее поведение – притворство». Емкую характеристику Елизаветы дал французский дипломат Ж.-Л. Фавье: «Сквозь всю ее доброту и гуманность... в ней нередко просвечивают гордость, высокомерие, иногда даже жестокость, но более всего – подозрительность... Императрица Елизавета вполне владеет искусством притворяться. Тайные изгибы ее сердца часто остаются недоступными даже для самых старых и опытных придворных...» Натура императрицы действительно была сложна и противоречива, и Рондо также полагала, что «никто не может читать в ее сердце».

Многие современники, в особенности иностранные дипломаты, писали о лени, беспечности и легкомыслии Елизаветы Петровны, которая среди развлечений не находила времени даже для подписания бумаг. М.М. Щербатов впоследствии также отмечал, что «не токмо внутренние дела государственные... но даже и внешние государственные дела, яко трактаты», месяцами оставались без движения «за леностью» императрицы. О «врожденной лени» Елизаветы писала и Екатерина II. Она же сообщила в своих записках интересный факт к вопросу о медлительности императрицы в решении дел: у Елизаветы «была привычка, когда она должна была подписать что-нибудь особенно важное, класть такую бумагу, прежде чем подписать, под изображение плащаницы, которую она особенно почитала; оставивши ее там некоторое время, она подписывала или не подписывала ее, смотря по тому, что ей скажет сердце».

Основным качеством Елизаветы Петровны как человека и как политика была осторожность. За всю свою жизнь дочь Петра I не сделала ни одного поспешного и опрометчивого шага. Императрица принимала решения только после тщательного обдумывания разноречивых мнений своих советников. С.М. Соловьев прав в своем предположении, что именно это обстоятельство навлекло на Елизавету Петровну не всегда справедливые упреки в лени и беспечности. Великий русский историк отмечал, что, «выслушивая одно мнение, она принимала его и по живости характера не могла удержаться от выражения своего

одобрения; не торопясь решать дело по первому впечатлению, она выслушивала другое мнение и останавливалась на новой стороне дела; приведенная в затруднение, сравнивая и соображая, она, естественно, медлила и тем приводила в раздражение людей, желавших, чтоб их мысль была приведена как можно скорее в исполнение. Они кричали, что императрица не занимается государственными делами, отдает все свое время удовольствиям». Елизавета Петровна действительно не отличалась аскетизмом, однако причина ее медлительности в решении дел заключалась не только в этом. О себе императрица говорила: «Я долго думаю, но если раз на что-нибудь решилась, то не оставлю дела; не доведши его до конца».

Елизавета умела объективно и трезво оценивать окружающих и выбирала себе по-настоящему умных и компетентных советников. Неизбежное соперничество между ними в стремлении подчинить императрицу своему влиянию нисколько ее не смущало. По словам С.М. Соловьева, «главным достоинством Елисаветы... было беспристрастное и спокойное отношение к людям, она знала все их столкновения, вражды, интриги и не обращала на них никакого внимания, лишь бы это не вредило интересам службы; она одинаково охраняла людей, полезных для службы, твердо держала равновесие между ними, не давала им губить друг друга».

Елизавета Петровна никогда не делала исключений ни для одного из своих приближенных и не ставила никого из них выше всех остальных. Фавье подчеркивал, что «она ни под каким видом не позволяет управлять собой одному какому-либо лицу, министру или фавориту, но всегда показывает, что делит между ними свои милости и свое мнимое доверие». Елизавета была чрезвычайно щепетильной в отношении своих прав и значения как самодержавного монарха. Французский дипломат отмечал, что российская императрица, «в высшей степени ревнивая к своему величию и верховной власти... легко пугается всего, что может ей угрожать уменьшением или разделом этой власти. Она не раз выказывала по этому случаю чрезмерную щекотливость».

Привычка Елизаветы Петровны класть документы перед их подписанием под плащаницу была одним из проявлений религиозности императрицы. Мемуаристы утверждали, что «она была набожна без лицемерства и уважала много публичное богослужение», «ее православие было искренно, и наружные проявления ее верований были по обычаю и по сердцу ее подданных». Императрица строго соблюдала посты, исполняла церковные обряды, совершала длительные путешествия на богомолье и особенно заботилась о строительстве новых церквей и монастырей. Вместе с тем французский дипломат не без иронии замечал, что религиозные чувства Елизаветы «нисколько не препятствуют наслаждаться жизнью. Эти подвиги, напротив, как бы служат противодействием греху и содействуют тому, чтобы поддерживать душу в равновесии между добром и злом. Таково учение монахов и попов, и императрица Елисавета с ним сообразуется». В.О. Ключевский писал, что «от вечерни она шла на бал, а с бала попевала к заутрене». Выписанные ко двору малороссийские певчие и итальянские певцы, «чтобы не нарушить цельности художественного впечатления... совместно пели и обедню, и оперу».

Елизавета с младенческих лет знала народную жизнь. Вступив на престол, она по-прежнему находила удовольствие в общении с людьми из простонародья. Это не было лишь прихотью и, по-видимому, являлось одним из выражений свойственного Елизавете глубокого и искреннего патриотизма, неразрывно связанного с осознанием ею миссии российского монарха. Два иностранных современника в разное время отметили, что Елизавета Петровна «ни к какой иностранной нации... не показывает пристрастия» и «исключительно, почти до фанатизма, любит один только свой народ, о котором имеет самое высокое мнение, находя его в связи со своим собственным величием».

Характер и взгляды императрицы в немалой степени повлияли на образ ее правления и определили многие черты государственной политики ее времени.